

В ВЕЛИКОМ романе Шолохова река является одним из главных героев. Вся жизнь казачества была связана с Доном. Исторически. Сюда, в необжитые места России, «утекало» по разным причинам много всякого люда. Одних преследовали царь и закон, других - крепостник-барин. Достигнув южных степных просторов, люди уже не боялись преследования. «С Дона выдачи нет» - таковы были правила отношений с северной властью, так сформировалось сословие, «державшее в одной руке ружье, а в другой соху». Оберегавшие границы государства люди за привилегии в пользовании землей и реками «жили вольно», но обязывались поставлять в регулярную армию специфическое войско - являться на службу за свой счет «конно и оружно».

Для сословия казаков Дон был «Батюшкой», вся их жизнь была привязана к реке, к ее притокам, к полям над Доном, к пойме, дававшей сено, и к рыбным ловам. Вся поэзия степной жизни опоясана синим руслом воды, текущей из Подмосковья на юг. Все у казака, от купанья в реке коней до многих житейских нужд и песен, было связано с Доном.

ОБ ЭТОМ мы говорили с Александром Михайловичем Шолоховым - внуком писателя, молодым, энергичным, умным организатором музея-заповедника памяти его знаменитого деда. В музее была экспозиция, где показывали экспонаты из дома Шолоховых, связанные со страстью Михаила Александровича охотиться и рыбачить, - лодки, болотные сапоги, ружья, удочки. Внук решил взглянуть на экспозицию шире: показать привязанность к Дону и его притокам - приметную часть жизни казачества. Идея эта весьма плодотворна и будет понятна читателям «Тихого Дона».

Дон является символом бытия для жителей этих мест. Сама река была водной дорогой, правда, не быстрой. Но по-над Доном, по правому его берегу, шел знаменитый гетманский шлях Войска донского. Дорога была хорошо обустроена мостами и насыпями. Атаманы в станицах неусыпно следили за шляхом. По нему всадники за день оповещали хутора и станицы о событиях чрезвычайной важности вплоть до «седлания коней».

Другая сторона берега Дона постоянно весной заливалась. Тут нерестилась рыба, а с уходом воды большие пространства занимали луга с левадами для выгула лошадей и где готовили на зиму сено. Сенокосы, как и везде, были работой радостной и веселой: валили травы, копнили сено, делили его. Пойма была «зеленой житницей», ее берегли, не разрешали даже огороды в хуторах и станицах выводить в луга.

В пойме после разливов оставалось много озер - музги. Осенью их чистили от водной растительности, используя специальные волокуши и лошадей. Чистили, чтобы рыба зимой не подвергалась заморам.

Река была кормилицей всех, кто жил на ее берегах. Рыбы водилось много. Ее потребляли на месте и продавали. («Живую стерлядь, прикрыв ей жабры мокрой травой, довозили даже в Москву»). Названия рыб тут особенные понюны: окунь - чекомас, судак - сула, лещ - чебак. Особо ценной рыбой были тут осетры и белуги, достигавшие веса полутонны и более. Обычной была и стерлядь. О бережении рыбы казаки заботились так же, как заботятся об урожае на поле. В апреле - мае, когда рыба шла нереститься, никто не мог появиться на Дону ни с удочкой, ни с иной какой снастью. Запрещалось в это время звонить в колокола по церквям, а бабам полоскать в Дону белье после стирки. Колокольные звоны вряд ли могли пугать рыбу, но этот обряд (его охотно поддерживала церковь) дисциплинировал, воспитывал уважение к богатству реки. Впрочем казаки - народ строптивый, могли тут быть и

Киношный уголок казачьего хутора.

КАЗАЧЬЯ РЕКА

Внук писателя Александр Михайлович Шолохов. Он главный человек в музее-заповеднике на Дону.

охальники. На них существовала управа - речной дозор (нечто вроде нынешней рыбинспекции), имевший предписание применять и оружие. «Дозора боялись, как черта», - рассказывает Александр Михайлович.

Зато уж в дни, когда лов разрешался, было чем отвести душу. Всякого рода снастями ловили в Дону, а с бредешками и «топтухами» лазали по музгам в пойме. Успешно ловили рыбу и подо льдом. Как и луговые работы, рыбалка была занятием радостным, поэтичным. Удильщики к ней начинали готовиться в марте, запасая в придонских колках (ендовах) березовые удильща. (Шолохов даже во времена бамбуковых и пластиковых удильщ признавал только березовые.)

Каждый мог ловить рыбы вдоволь. Существовали тут и артели, промышленные рыбные ловли на вывоз. «Станицы в низовьях Дона рыбой кормились и пополняли войсковую казну».

ОТДЕЛЬНО надо сказать о придонских лесах. В степи это особой ценности зеленый пояс по берегам. Тепло и влага делают тут чудеса. Плынешь по Дону, кажется, на многие километры от берега тянутся пахучие заросли, пере-

витые хмелем, заполненные дикими грушами, колючим терном, ежевикой, калиной, какими-то лопухами, тростником и рогозом. Прочтите описание осени в «Тихом Доне», и вы почувствуете, что такое леса в Придону. Они и теперь по-прежнему хороши. В них плотно держится дичь - кабаны, волки, лисы, барсуки, олени, косули и пришедшие с севера по лесным полосам лоси. Тут много птиц и всего другого, дающего остро чувствовать радости жизни.

Лес у Дона не строевой. Он гнутый, кряжистый. Когда глядишь на старые постройки по донским хуторам, видишь, что древесина в них - из этого зеленого буйства возле воды. Но лес сопровождает Дон не везде. Ниже Вёшенской Дон начинает «лысеть» и течет по степи скучный, раздетый. Пролетая на маленьком самолете, видишь голые берега, на них какая-то будка, тырла, где топталась скотина, «коровьи пляжи». Это и все, что видишь. И с благодарностью вспоминаешь зеленую опушку Среднего Дона.

В БЕСЕДЕ с Шолоховым-младшим зашел разговор о хуторе Татарском, где обитали главные герои «Тихого Дона». Существует ли этот хутор? Нет, не существует. «Этот хутор «списан» с нескольких хуторов, так сказать, типизирован. На один из них можно взглянуть, он ниже нашей станицы по Дону».

Поездка к хутору (называется он Калининский) заняла полчаса. Но надо было подняться на кручу правого берега. Что за вид открылся с высоты почти что птичьего полета! Величественно-синей лентой текла река. В пойменной части левобережья виднелись луга, сожженные солнцем минувшего лета, деревца, озерки по равнине. А на правом берегу в распадке (по-местному балке) виднелось селенье - дома, сады, огороды в зарослях лозняков. Дома по облику «казачьей архитектуры» - приземистые, большие. Но всюду шифер, электролинии.

- Как же мог тут снимать Бондарчук свою версию «Тихого Дона»?

- Задача действительно была непростой. Много объехал мест режиссер - смотрел, смотрел. Но везде «шифер», а тут поднялся на кручу, где мы стоим, увидел Дон, увидел «общий план» хутора и решил: «Тут и будем снимать». У самого берега построили огороженные плетнями и крытые камышом два дома, где «поселили» семью Мелеховых и Степана Астахова с Аксиньей, возвели еще кое-что из старого быта. На этом пятачке и вертелись при съемке. Выручал Дон. Посмотрите, какие возможности для оператора. Представьте табун лошадей в пойме или силуэт всадника тут, на кручах...

Мы не знаем, что получилось у талантливого Бондарчука, дерзнувшего после Герасимова, с его безошибочно точным попаданием в образы шолоховских героев, - фильм с иностранными актерами из-за финансовой неразберихи лежит неозвученный где-то в Италии. Может, все же будет озвучен. И тогда мы увидим и частичку старого хутора, Дон, эти кручи и дали с парящим над поймой коршуном. Средний Дон - лучшее место славной реки. Тут и происходили главные события шолоховского романа.

НА ПРОЩАНИЕ с Доном мы зашли в дом-музей, где жил и умер писатель. Я, бывавший тут несколько раз, остановился на втором этаже с дочерью Шолохова, Светланой Михайловной. Разговорились. «На этой кровати отец умер. Последние пять лет, болея, передвигался в коляске. Летом обычно просил открыть окна, чтобы виден был Дон. А зимою у окна снаружи мы прислоняли ветки рябин и калины. Слетались к окну синеиры, свиристы, синицы. Это была последняя радость отца - видеть природу, красоту и силу которой он любил, хорошо понимал».

В. ПЕСКОВ.
Фото автора.

Шолохов и Михаил Александрович

11.10.02